

Жиганова Елена Павловна

(кандидат филологических наук, доцент)

ОБРАЗ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ЛИРИКЕ НИЗАМИ

УО «Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка» (г. Минск)

Азербайджанская литература и культура давно и прочно вошла в сокровищницу мировой культуры и стала одним из источников, благодаря которому формировалась современная, в том числе и европейская, культура. В нашей статье мы хотим обратиться к творчеству выдающегося средневекового поэта Низами (Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф), перу которого принадлежат не только великолепные поэмы, но и замечательные лирические стихотворения. В данной статье мы не будем говорить об изысканности их формы, богатстве языковых средств, поскольку для этого необходимо исследовать исходный текст, а не перевод. Мы хотим обратить внимание на одну из составляющих художественного образа, воплотившуюся в лирике великого Низами, - образ Вечной Женственности, или мифологему Вечной Женственности. Под термином **мифологема** подразумевается «структурная единица ритуально-мифологического дискурса, которая представляет собой определенный элемент целостной картины мира, выраженный в форме инвариантной символической конструкции» [2, 6]. Мифологема может выступать в качестве единичного знака или знаковой системы, предполагающей текстовую организацию. Мифологема Вечной Женственности представляет собой именно знаковую систему, элементами которой является хронология, система персонажей и их функций, переходная и цветовая символика, а также способы взаимодействия данных компонентов. Однако для дифференциации ритуально-мифологического и религиозного дискурсов необходимо учитывать разницу между воплощениями в них женского начала, вследствие чего можно говорить о таком понятии, как **теологема** Вечной Женственности, которая представляет собой один из вариантов мифологемы – ее идеальную ипостась, возникшую и развивавшуюся в рамках христианской культуры.

Мифологема Вечной Женственности, как и всякий универсальный образ, представляет собой текст, обладающий единым значением, позволяющим выделить его из окружающего семиотического контекста. «Подобный текст никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры: он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [3, 65]. В каждом культурно-историческом контексте семантика мифологемы подвергается изменениям, дополняется. Однако различные ипостаси данной мифологемы (Елена, София, Эноя, Дева Мария, Душа Мира) сохраняют в себе черты первообраза. Все конкретные женские образы в мировой культуре – это не что

иное, как различные способы воплощения инвариантной сущности мифологемы Вечной Женственности.

Женский образ является одной из репрезентаций медиативной сущности мифологемы, включающий в качестве структурных компонентов роли-функции, среди которых можно выделить следующие: дочь, невеста, жена, мать, блудница. Тенденция развития женских образов, от мифологических персонажей до средневековых литературных (включая классицизм), проявляется в расщеплении синкретического женского образа и персонификации его отдельных элементов. Вследствие этого процесса произошло строгое распределение образов по сегментам хронотопа и наделение их различными функциями в сфере нравственности. Женские образы в культурных текстах последующих периодов обладают более сложным характером, поскольку совмещают в себе разные начала: софийное и демоническое. При этом их количество увеличивается необычайно быстро. По-прежнему располагаясь на маргиналии, каждый образ смещается к «верху» или «низу» вертикального хронотопа согласно выполняемым функциям.

Перечень воплощений женственного начала в образах мировой художественной культуры неисчерпаем, однако все они обнаруживают типологическое сходство в своих основных функциях. Если мужской персонаж циклически умирает в акте зачатия и возрождается в акте рождения, оказываясь сам себе отцом и сыном, то женская ипостась абсолюта – единственный бессмертный и универсальный элемент мифологической триады, непрерывно проявляющийся в различных сущностях.

Знакомясь с лирикой Низами, можно заметить, что одним из наиболее значимых образов в его поэзии является женский образ, в котором воплощены черты и свойства, о которых мы говорили ранее. Несомненно, что сам термин (Вечная Женственность) возник гораздо позже, но его черты проявились, в том числе, и в образе героини стихов Низами. Обращает на себя внимание и тот факт, что между этим образом, созданным на Востоке в XII веке, и образами, воплотившимися в русской поэзии конца XIX – начала XX вв., так много общего. Данный факт можно объяснить, в первую очередь, схожестью переживаний, которые испытывает человек в тот момент, когда он влюблен.

Обратим внимание на то, какую видит свою возлюбленную лирический герой Низами:

*Не упрекай меня, ты влюбишься сама,
Увидя в зеркале свой лик, луны светлей...* [4]

*Прекрасна ты! Клянусь Аллахом, как раз такая мне нужна.
Жемчужина в объятьях мрака, в ночи сверкая – мне нужна...*[4]

*Своей красотой ты святых ввергаешь в неверье,
Сурьюю бровей затмевая суры Корана... [4]*

Все начинается с прекрасного образа, который пленяет поэта, который подчиняет его себе и заставляет служить. И здесь возникает мотив служения, поклонения, который станет так популярен в средневековой Европе с ее культом Прекрасной Дамы.

Героиня Низами подобна богине, царице. «*Я раб ее, она султан, владыка вездесущий мой*», - пишет поэт, подчеркивая ее превосходство и свое положение подчиненного. И эта мысль сквозит и в других стихах Низами:

*Жизнь Низами одна питает надежда:
Станет слугою твоим он поздно иль рано... [4]*

*О, милый друг, давно пленен я губ твоих, гармином!
Я – раб лишь твой, а ты кому вновь стала господином?
Мне донесли твои глаза, что ты себе в одном лице
Истец, свидетель и судья, и суд не будет длинным... [4]*

Подобные мотивы часто встречаются и в русской поэзии серебряного века, например в творчестве А. Блока. Свою возлюбленную лирический герой А. Блока тоже обожествляет, она предстает то в образе богини, то в образе царицы, то в образе Прекрасной Дамы, что снова подчеркивает подчиненное положение героя по отношению к ней: «*Не призывай. И без призыва // Приду во храм. // Склонюсь главою молчаливо // К твоим ногам. // И буду слушать приказанья // И робко ждать. // Ловить мгновенные свиданья // И вновь желать. // Твоих страстей повержен сломой, // Под игом слаб. // Порой - слуга; порою - милый; // И вечно – раб*» («*Servus reginae*») [2].

Однако женский образ у Низами воплощает не только софийные черты мифологемы Вечной Женственности. Героиня у него искусительница, провоцирующая героя к действию:

*Кумир мой, колдовство не грех, но ты игрива слишком!
Мне уст не разомкнуть при всех, ты говорлива слишком!
Ты любишь воровать сердца, что правоверным не к лицу,
А ведь лишенный сердца мстит несправедливо слишком! [4]*

Но именно это и притягивает героя к ней, и он готов служить ей вечно, кладя на алтарь любви всего себя – свою судьбу, свою жизнь, свою поэзию:

*К тебе я песни, как паломников, веду.
Вознагради чавуша верностью своей. [4]*

*Я бросил молодость в пожар моей любви.
На сердце у меня базар страстей любви...[4]*

*Лишь на служение тебе стал препоясан Низами, -
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила...[4]*

Подобным образом ведет себя и героиня стихов А.Блока: «**В тебе таятся в ожидании// Великий свет и злая тьма, // Разгадка всякого познания // И бред великого ума...**» [2]. И блоковский герой так же, как лирический герой Низами, всего себя отдает служению своей госпоже, не взирая ни на какие преграды: «**Нет исхода из вьюг, // И погибнуть мне весело. // Завела в очарованный круг, // Серебром своих вьюг занавесила... // Тихо смотрит в меня, // Темноокая. // И, колеблемый вьюгами Рок, // Я зываюсь, звеня, // Пропадаю в метелях...**» («Нет исхода из вьюг») [2].

Хотелось бы обратить внимание еще на один мотив, который по-особому раскрывает женский образ – это мотив битвы, который непосредственно связан с мотивом брака. Мотив брака в творчестве Блока появляется неоднократно, причем связан он с разными воплощениями женского образа: «**Но завтра в невом угнетении // Тоска по брачному венцу**» [2]. Упоминание о браке часто несет на себе отпечаток незавершенности: о браке только мечтается, мнится. К браку стремится лирический герой. Но его путь сопряжен с серьезными препятствиями, что выливается в использование традиционной метафоры брак – битва: «**Мне битва сердце веселит, // Я чую свежесть ратной неги, // Но жаром вражеских ланит// Повержен в запоздалом беге**» [2], «**В томленьях страстного недуга, // В полях ожесточенных битв**» [2]. Подобные мотивы мы находим и в лирике Низами:

*Полной твоего коня я голову прикрою, **Воительница!**
Вновь ронять мне жалкий меч придется...
С дороги уברי скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить **дорогу сеч** придется...[4]*

Ристалищем твоим я стал, я дань твоя в день торжества:

***Фагфур в мой Индостан пришел – властитель всемогущий мой...**[4]*

Говоря о браке прямо или с помощью метафоры, поэты отмечают зависимое положение своего героя по отношению к героине, которая выполняет мужскую функцию – функцию патрона инициации, что является еще одним доказательством ее посреднической миссии и андрогинной сущности. Участь героя состоит в тосковании, ожидании, чаянии; если

он и отваживается на битву (брак), то инициатором битвы по-прежнему является Она, призывающая его через своих посланников.

Таким образом, мифологема Вечной Женственности является универсальным текстом, который реализовался в творчестве многих поэтов в разные времена, в том числе и в творчестве Низами. Возможность найти общие мотивы и сходные образы в лирике таких далеких (во времени и пространстве) поэтов, как Низами и А.Блок, свидетельствует о единстве культурного пространства, в котором мы существуем.

Литература

1. Блок, А. А. Собрание сочинений: В 6 т. / А.Блок // Под общ. ред. М. А. Дудина, В. Н. Орлова, А. А. Суркова, вступ. ст. М. А. Дудина, сост. и коммент. В. Н. Орлова, оформл. худож. Н. Нефедова. – Л.: Худож. лит., 1980 – 1983. Т. 1 – 6.
2. Жиганова, Е.П. особенности воплощения женского образа в творчестве А.Блока (ритуально-мифологический аспект): монография/ Е.П.Жиганова; под ред. В.И.Самусенко. – Минск – Рига: «Лайма» - «Геликон» - «Золотой век», 2008. – 96 с.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М.Лотман. // Предисл. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Прогресс, 1997. – 447 с.
4. Низами Гянджеви. Стихи [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269065096.- Дата доступа: 25.02.2013.

Summary

The article outlines peculiarities of female-image embodiment in Nizami's works in the aspect of ritual-mythological semantics. It reveals the mythologeme of Eternal Famininity and draw parallels between works A. Block and Nizami.